

Научная статья
УДК 340.1
doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54

Ирина Борисовна Ломакина

доктор юридических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург,
Литейный проспект, д. 44*

*Санкт-Петербургский государственный университет
аэрокосмического приборостроения
Российская Федерация, 190000, Санкт-Петербург,
ул. Большая Морская, д.67, лит. А.*

Законность как юридическая данность или социальный конструкт?

Аннотация: Во введении к данной статье поднимается проблема понимания законности как фундаментальной категории юридической науки и юридической практики в целом. Рассматривается генезис понятия «законность» и эволюция представлений об этой категории как контекстуально, то есть с точки зрения материальных условий жизни людей и их ментальности, так и в дискурсивных практиках, отражающих представления научного сообщества об этом феномене. Отмечается связь коннотации данного концепта с типами правопонимания. **Методы:** данная статья предлагает использовать постклассический подход как разновидность умеренного пост-постмодернистского типа научной рациональности, акцентирующего внимание именно на контекстуальности правовых феноменов. Поэтому данная методологическая стратегия, с точки зрения автора статьи, выглядит более адекватно по сравнению с устоявшимся в науке представлением, что «законность» – это всегда неуклонное соблюдение закона, обладающего признаком всеобщности, а значит, и имеющего универсальный характер. **Результаты** исследования предполагают следующее: законность содержит в себе диалектическое сочетание, с одной стороны, следование закону, с другой стороны, допускается некий люфт для отрицания старых отживших норм в повседневных поведенческих практиках всех тех, кто создаёт и применяет право. Это в свою очередь даёт основание для приемлемого механизма адаптации к той системе, в которой человек реально живёт, в которой реализует свои социальные статусы, в том числе в сфере права. В статье актуализируется идея о том, что законность – это конструкт, который формируется человеком на всех этапах его становления как социального существа, в потенции притязающего на универсальный правопорядок. Поэтому предлагается более адекватная стратегия понимания «законности» с точки зрения постклассической теории, согласно которой «законность» выступает как режим, в котором субъекты права реализуют свои правовые статусы во всех сферах жизни общества.

Ключевые слова: законность, правозаконность, правопонимание, позитивизм, юснатурализм, правовая культура, постклассика

Для цитирования: Ломакина И. Б. Законность как юридическая данность или социальный конструкт? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3 (99). – С. 48–54; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54.

Irina B. Lomakina

Dr. Sci. (Jurid.), Professor
<https://orcid.org/0000-0002-9232-949X>, lomakina7311@gmail.com

*Saint Petersburg Law Institute
(branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteiny prospect, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

*Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation
67, Bolshaya Morskaya str., lit. A., Saint Petersburg,
190000, Russian Federation*

Legality as a legal concept or a social construct?

Abstract: The introduction to this article deals with the problem of understanding legality as a fundamental category of legal science and legal practice in general. The genesis of the concept «legality» and the evolution of ideas about this category are considered both contextually, i.e. in terms of material conditions of people's life and their mentality, and in discursive practices reflecting the scientific community's ideas about this phenomenon. The connection of the connotation of this concept with the types of legal understanding is noted. Methods: this article proposes to use the post-classical approach as a kind of moderate post-postmodern type of scientific rationality, which emphasises the contextuality of legal phenomena. Therefore, this methodological strategy, from the point of view of the author of the article, looks more adequate in comparison with the established in science notion that «legality» is always a steady observance of the law, which has the attribute of universality and, therefore, has a universal character. The results of the study suggest the following: legality contains a dialectical combination: on the one hand, adherence to the law, on the other hand, it allows a certain backlash for the negation of old outdated norms in the everyday behavioural practices of all those who create and apply the law. This, in turn, gives grounds for an acceptable mechanism of adaptation to the system in which a person actually lives, in which he realises his social statuses, including in the sphere of law. The article actualises the idea that legality is a construct that is formed by man at all stages of his formation as a social being, in potency claiming universal law and order. Therefore, a more adequate strategy of understanding «legality» from the point of view of post-classical theory is proposed, according to which «legality» acts as a regime in which subjects of law realise their legal statuses in all spheres of society.

Keywords: legality, legitimacy, lawfulness, legal understanding, positivism, jusnaturalism, legal culture, postclassics.

For citation: Lomakina I. B. Legality as a legal concept or a social construct? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 3 (99). – P. 48–54; doi: 10.35750/2071-8284-2023-3-48-54.

Введение

Человечество на протяжении длительного пути своего развития занималось конструированием безопасного и устойчивого жизненного пространства. Создавая замиренный порядок в повседневных практиках, люди закрепляли должностования в виде императивных максим, реифицируя их смысл и значение. Первостепенное значение в этом процессе имели мифологемы и идеологемы. К числу таких мифологем и идеологем можно отнести и «законность», которая в зависимости от социокультурного контекста приобретала те или иные свойства с соответствующими данному историческому промежутку времени значениями.

Рассмотрим семантику слова «законность». В латинском звучании «законность» – это легитимность *legitimus* (*legitimus*). В буквальном значении законность означает «на основании закона». Что значит «на основании закона»? «На основании закона» означает прежде всего социально-значимую деятельность, осуществляемую людьми в процессе реализации ими того или иного глобального (сначала родового, потом племенного, ещё позже национального, а теперь уже и макрорегионального) проекта по мироустройству.

Деятельностный аспект законности достаточно подробно и последовательно рассмотрен В. В. Лазаревым и С. В. Липенем¹.

Деятельностный аспект понимания законности предполагает совокупность поступков, действий, решений на основании и в соответ-

ствии с законом. Конкретизируя изложенное, поясним, что «законность» означает правила игры, согласно которым люди творят или конструируют свой мир на определённых основаниях. Весьма важную роль в понимании законности играет, если можно так сказать, господствующее правопонимание, точнее, юридическое мировоззрение, утвердившееся в обществе.

Нужно понимать, что законность как деятельность, основанная на законе, всегда контекстуально обусловлена. Поэтому не существует универсального принципа законности для всех времен и народов. Каждый народ сформировал своё аутентичное понимание законности. При этом не всегда законность связана только с законом, хотя и является однокоренным словом. В одном случае закон может быть эффективным и легитимным инструментом в руках общества, государства, правосудия, в другом – весьма посредственным [8, с. 47]. Поэтому основной смысл и ценность такого взгляда на законность состоит в обозначении надлежащего использования всех форм права субъектами правовых статусов, а не только закона в качестве важнейшего требования законности.

Таким образом, законность всегда связана с реальными материальными условиями жизни людей и их ментальностью. Законность всегда контекстуальна и всегда релятивна. Она не может быть универсальной прежде всего потому, что все культуры самобытны, а отчасти и оригинальны. Поэтому в процессе своего развития каждая культура вырабатывала разные сценарии отношения к закону. Так, для одних закон – это реифицированное должностование монарха; для других закон – это реифицирован-

¹ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Спарк, 2004. – 440 с.

ная воля народа; для третьих закон – это правда общины (коллектива), которая тоже, конечно, была реифицированной; для четвертых – закон всегда уста Бога.

Для примера рассмотрим значение законности в англосаксонской правовой традиции. Так, английская доктрина закрепляет принцип прецедента как доминирующий принцип правовой системы, поэтому судья может «сломаť закон о колено» (жаргон английских судей). Такая «ломка» возможна тогда, когда закон не соответствует реалиям жизни, поэтому принцип законности англичане увязывают с принципом верховенства права.

Для континентальной правовой системы выражение «сломаť закон о колено» в принципе немислимо, несмотря на молчаливое допущение правовой доктриной иных форм права. Именно континентальная традиция закрепила принцип законности как нарратив правовой жизни, следовать которому не просто надо, но и необходимо. Другими словами, законность выступает в качестве основополагающего принципа, является мерой должного. Поэтому законность как долженствование, как нарратив обрела трансцендентные свойства именно в этой традиции и со временем «слилась» с моралью, став неотъемлемой частью правосознания и правовой культуры в целом.

Переводя проблему понимания законности в русло академических дискуссий, стоит отметить, что сегодня законность рассматривается «как законность, основанная на праве», а не на целесообразности. Целесообразность же в данном аспекте представлена как основание деформированной правовой культуры [10, с. 7–8]. Такой ракурс понимания законности, может быть, и верен с точки зрения юнатуризма, либертариизма, но не безупречен с точки зрения позитивизма и социологии права. Законность, основанная на целесообразности, не всегда произвол. Поскольку целесообразность, если речь идёт о сфере социально значимых отношений, имманентно всегда содержит в себе право, а в праве имманентно содержится всегда целесообразность. Не бывает нецелесообразного права. Право всегда целесообразно, иначе оно просто превращается в «великий рассказ» (Лиотар) и утрачивает регулятивный потенциал.

Методы. Законность в контексте исторической ретроспективы (историко-правовой метод и метод сравнительного правоведения)

Рассмотрим законность в историческом аспекте. Для примера возьмём восточные практики, в которых как в капле воды отражается отношение статусных групп к закону. Так, в XVIII в. до н. э. царь Хаммурапи завещал своим потомкам неукоснительно следовать справедливым законам, высеченным на черном базальтовом столбе. Справедливые законы имели трансцендентный характер и черпали свою легитимность в установленном Хаммурапи порядке, конечно, при покровительстве высших сил. Вместе с тем в Вавилоне не сформировалась

доктрина законности как основа государственного правопорядка. Однако несколько позже в Китае такая доктрина получила развитие и вылилась в формирование школы под названием «легизм». Благодаря Шан Яну, легистская традиция на долгие тысячелетия предопределила особый путь развития государственности в Китае.

Исторически данная доктрина (школа) появилась в конце правления Чжоуской династии. Главными представителями ее были Цзы-чан (VI в.), Шан Ян (390–338 г. до н. э.) и Хань Фэй-цзы (280–233 г. до н. э.). Основная идея этой школы – критика конфуцианской морали. Высмеивая конфуцианские нормы, легисты называли их «игрой в слова» и сравнивали с детской игрой в «приготовление изящных яств из песка». В противовес конфуцианскому учению об управлении, основанному на моральных принципах «ли» (ритуал) и «жэнь» (человеколюбие), легисты весьма изоцирэнно провозгласили идею государственного правления, основанного на принципе «фа» (закон). Главенствующая роль в доктрине законности принадлежала сильному императору, справедливо применяющему закон. Например, Хань Фэй-цзы полагал, что законы подобны шнуру. Как шнур при натягивании не даёт кривой линии, так и закон должен быть для всех одинаков. Он указывал на две стороны закона. С одной стороны – вознаграждение, с другой – наказание. «Подданные боятся наказания и любят вознаграждение, поэтому правитель проводит эти две меры для того, чтобы они боялись его власти и служили его интересам». В политическом управлении он провозглашал принцип «наказания упраздняются наказаниями». Это значило: чем больше наказаний, тем меньше преступлений.

В ряде восточных государств и по сей день нет в уголовном праве понятия «преступление», а есть понятие «политическая ошибка» (например, в Северной Корее). Легисты считали, что законы должны предусматривать круговую поруку и всеобщую слежку. Правда, что касается круговой поруки, то вряд ли это новелла китайского законодателя, так как практически у всех народов исторически закрепился этот принцип в обычном праве. Иногда легистская традиция встречала сопротивление со стороны конфуцианской общественности, но итогом столкновения была «культурная революция» лозунгом, которой выступал посыл к действию: «Книги в огонь, учёных в яму!». Законность, понимаемая как единообразное подчинение «всех и вся» законом императора, поставила данную категорию во главу угла как гарант устойчивого процветания государства.

Поэтому император Шихуанди хвалился, что «во всех шести направлениях вселенной всё принадлежит императору... всюду, где есть след человека, нет никого, кто бы ни стал подданным императора... его благодать распространяется даже на быков и лошадей. Нет человека, кому бы это не пошло во благо. Каждый в безопасности под собственной кровлей». Поэтому, как полагает Ю. Н. Харари, в китайском политико-право-

вом дискурсе имперские периоды описываются как золотые эпохи порядка и справедливости. Это периоды торжества истинной законности. Поэтому китайский дискурс рассматривает периоды политической раздробленности как тёмные века хаоса и несправедливости².

Западная культура, наоборот, выводит законность от обратного, то есть из принципа горизонтальности власти, увязывая самоорганизацию индивидов (позже – «невидимая рука рынка») с господством частной собственности, а значит, справедливостью. Ещё античные философы отождествляли законность и справедливость, считая данные понятия практически эквивалентными. «Что законно, – по выражению Сократа, – то справедливо!» [4, с. 134]. По воззрению Сократа, законы могут быть дифференцированы на писанные, легитимированные полисом, и неписанные, данные богами [4, с. 284]. И те, и другие в равной мере могут отвечать идеалам справедливости. Очевидно, что такой подход всё же исключал критику законодательства, поэтому любая критика рассматривалась общественным сознанием афинян как проявление морального нигилизма и богохульства.

Правовая мысль Древнего Рима в основном разделяет древнегреческие представления о законности. Здесь также находит отражение максима «Право всегда справедливо». Широко известно латинское изречение, в котором право называется «искусством добра и справедливости» (*jus est ars boni et aequi*). При этом стоит отметить аксиоматичность римских теоретических положений: «Закон суров, но это закон» (лат. *dura lex, sed lex*). Законность в понимании римлян – это прежде всего неукоснительное выполнение закона всеми жителями в государстве, включая его правителей. Подобное понимание законности является ярко выраженной чертой классического римского права. Периодом окончательного оформления данного конструкта А. Б. Лисюткин [5, с. 108–112] и В. В. Кожевников [3, с. 37] считают эпоху капитализма.

Таким образом, законность как принцип правовой жизни прошла длительный путь в своём развитии, но как современная доминанта правовой жизни сформировалась только в XVII–XVIII веках, что, в общем-то, понятно. Ведь развитие капитализма требовало единообразного применения закона, принцип формального равенства должен был сформировать конкурентную среду, а формальная определённость должна была закрепить четкие правила игры, не предполагающие широкого диапазона в применении закона. Поэтому западная традиция увязала законность с правозаконностью, которая, по мысли Дж. Уолдрона, «резонирует в нашей традиции в течение веков: начиная с Аристотеля, продолжаясь средневековыми теоретиками, такими как сэр Джон Фортескью, который стремился различать законные и деспотические

формы королевской власти, и далее в эпоху раннего Нового времени в трудах Джона Локка, Джеймса Гаррингтона и (как ни странно) Никколо Макиавелли, в эпоху Просвещения в работах Монтескье, Беккариа и других, в американской традиции в «Документах федералистов» и даже с ещё большей силой в «Документах антифедералистов», и в современную эру – трудах Дэйси, Хайека, Оукшотта, Раза и Финниса, а в Америке – в произведениях Фуллера, Дворкина и Ролза» [12, с. 22]. В несколько ином ключе предложил понимать «законность» Скотт Шапиро. Усматривая в ней плановый механизм, автор утверждает: «С помощью планирования нивелируются моральные недостатки законности, а также преодолеваются сложность, спорность и произвольность общественной жизни» [15, с. 54].

Обсуждение. Отечественный теоретико-правовой дискурс понимания законности

Законность как фундаментальная категория правовой жизни всегда была в центре внимания как политиков, так и научного сообщества в целом. К ней апеллировали как к должному, иногда как к сущему. Порой она попадала под перекрёстный огонь как левых, так и правых, а иногда ею умело манипулировали. Так, если первоначально В. И. Ленин говорил о законности как об идеале «подлых оппортунистов»³, то позднее он указывал на необходимость установления единой законности⁴. По мере построения социалистического государства постепенно стала складываться доктрина «революционной законности».

Идею «революционной законности» развивали такие учёные, как П. И. Стучка, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, Е. Б. Пашуканис и др. Необходимость обоснования нового социального мироустройства в лице Советской России побудила идеологов нового строя «поженить» «революционную законность» с целесообразностью. Например, В. П. Антонов-Саратовский и А. А. Сольц поддержали идею господства целесообразности над формой права. О синтезе двух идей в своё время также писал В. А. Рыбаков [9, с. 60].

В процессе построения развитого социализма термин «революционная законность» уходит с авансцены советских дискурсивных юридических практик, его место занимает «социалистическая законность», под которой понимается точное и неуклонное исполнение законов и основанных на них других правовых актов социалистического государства. [1, с. 43]. Весьма голословно об отходе от «духовной сути права» заявляет А. А. Чечулина⁵. Данная позиция как минимум должна иметь под собой доказательную базу, иное выглядит просто как дань новой либеральной идеологии и не более того.

³ Ленин В. И. О двойном подчинении и законности // Ежегодник советской юстиции. 1925. – № 17. – С. 101.

⁴ Ленин В. И. О задачах III Интернационала // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. – Т. 39. – 5-е изд. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 623 с.

⁵ Чечулина А. А. Правовая законность: общетеоретический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2004. – С. 20.

² Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Юваль Ной Харари ; [пер. с англ. Л. Сумм]. – Москва: Синдбад, 2016. – С. 125.

Конечно, «социалистическая законность» в этот период рассматривалась преимущественно в позитивистском ключе, но уже к концу 70–80-х гг. данный термин обрёл более широкое значение, хотя полностью не мог освободиться от своей классово-сущности и жёсткой привязки к аппарату принуждения. Работы С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Н. В. Витрука, В. Н. Кудрявцева, М. Н. Марченко, Л. И. Спиридонова, Р. О. Халфиной, В. Е. Чиркина, Л. С. Явича и др. показывают законность с различных позиций. Поэтому у одних учёных законность выступает как принцип деятельности субъектов права, у других – как принцип права, у третьих – как соответствие правовой деятельности закону, у четвёртых – как правовой режим, пятые же начинают усматривать в ней состояние правомерности человеческой деятельности, шестые – конституционную обязанность [2, с. 33].

Отсутствие критериев оценки законодательства в позитивистском подходе вызывает сегодня достаточно серьёзную критику. В частности, И. А. Уваров говорит о «несостоятельности позитивистских концепций права и правопорядка, которые любое фактически распространённое отношение признают правовым, независимо от его содержания» [11, с. 40]. Как правило, позитивизм сегодня упрекают в отсталости и догматизме [6, с. 36].

Результаты

Характеризуя советский этап развития юридической мысли в целом, стоит отметить, что право сводилось к совокупности норм, закреплённых в формах внешнего выражения права. При этом оставался без внимания вопрос, какими по своему содержанию должны быть нормативные предписания, должны ли они соответствовать интересам общества или достаточно того, чтобы эти правовые акты были введены в действие в установленном порядке. Данные теоретические воззрения логически небезупречны. Такой подход к пониманию законности является безусловно статистическим, но и у него есть серьёзное достоинство. Законность в этом случае выступала в качестве системы чётких, недвусмысленных требований, которые надлежит исполнять. Правда, было бы хорошо, чтобы сами требования являлись легитимными и имели достаточный регулятивный потенциал.

Для позднесоветского периода характерной чертой стал отказ от юридического позитивизма. Пересматривая свои первоначальные позиции, С. С. Алексеев предлагает использовать термин просто «законность», наполняя его уже совсем другим содержанием, а именно – демократическим, без привязки к классовой сущности⁶. Всё чаще и чаще в дискурсивных практиках звучат идеи о соблюдении лишь «правового» закона, общественно-полезного, уважающего права человека и общеправовые принципы, отвечающего идеалам справедливости и нрав-

ственности. Данные идеи понимания «законности», может, и выглядели прогрессивно в тот период, но проблема заключалась в том, что перечисленные категории являются оценочными. Возникал вопрос, кто будет рассматривать соответствие той или иной нормы условию её «правового» характера? Если относить данную деятельность к компетенции правоприменителя, то неизбежно нарушение принципа единства законности. Кроме того, в некоторых случаях компетентность правоприменителя может вызывать сомнения. Законодатель также не может рассматривать вопрос о соответствии нормы критерию её «правового» характера. Такой подход к пониманию законности не является универсальным и трудно применим на практике. Данная проблема была обозначена в ранее опубликованной нами статье [7, с. 87].

Конечно, нет ничего плохого в идеальной конструкции законности, но надо признать, что правоприменителю от такого идеала «ни холодно и ни жарко». Поэтому ему не остаётся ничего иного, как руководствоваться позитивным законом, при этом в каждом конкретном случае оценивая его с точки зрения соответствия не только нормам высшей юридической силы, но и конституционным, а также общеправовым принципам, в которых заложены «правовые» ценности, говоря другими словами – «дух права». И в связи с этим стоит отметить, важность конституционной юстиции, позволяющей осуществлять проверку норм текущего законодательства на предмет их конституционности. Со сходных позиций трактует законность В. В. Лазарев. Развивая интегральную теорию права, он говорит о необходимости фильтрации норм текущего законодательства для проверки соответствия их интересам общества, выходя на уровень их легитимации⁷.

Заключение

Критический обзор теоретических подходов показывает необходимость применения к пониманию законности именно постклассической методологии. По нашему мнению, наиболее интересна диалогическая концепция И. Л. Честнова. Так, рассматривая право в контексте его реального существования, а именно как:

1) правовое явление имеет разные формы существования «в виде массового поведения, знаковой формы и ментального образа, включая индивидуальные, групповые и коллективные (социальные, общественные) формы проявления», причём все они непрерывно взаимодействуют друг с другом;

2) правовое явление – это всегда итог накопленной данным обществом практики;

3) правовое явление по определению не может выступать в качестве окончательно завершенного факта, оно непрерывно трансформируется, приспособляясь к новой практической данности [13, с. 492, 493] законность выступает

⁶ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Проблемы теории права: курс лекций. – Москва: Статут, 2010. – Т. 3. – 781 с.

⁷ Лазарев В. В. Общая теория права. – Москва: Юрист, 2001. – 520 с.

«краеугольным камнем» правовой жизни. Законность и её обеспечение могут быть адекватно представлены в большей степени именно с таких позиций, выступая как процесс, в котором закон воплощается в реальность, начиная от его фиксации в общественной потребности и до его практического применения уполномоченными на то органами. При этом закон – это не догма, а правило, которое корректируется социальными практиками, исходя из реальных потребностей общества. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера. В целом, солидаризируясь с точкой зрения И. Л. Честнова, можно утверждать, что законность выступает как требовательный партнёр правопорядка [14, с. 121], в котором реализуются статусы субъектов правоотношений. При этом правоотношения – это не голая абстракция (связь), а реальные социально-значимые отношения, в которых конкретные люди реализуют свои права (мера возможного) и отвечают по обязательствам (в широком смысле – мера должного).

Можно констатировать, что законность относится к числу базовых категорий юридической науки. Исследованию данного феномена посвящено большое количество научных

работ как в области теории права, так и в отдельных отраслевых юридических науках. Можно считать появление постклассического подхода новой вехой в осмыслении данного феномена, предлагающего разработку модели воплощения закона в реальность, начиная от фиксации общественной потребности в нём и до практического воплощения в правоприменении, предполагающего возможность корректировки содержания, исходя из изменений в указанной потребности [13, с. 44]. Подобный способ создания правовой нормы является наиболее эффективным способом гарантии соблюдения режима законности, который не может поддерживаться исключительно мерами репрессивного характера, о чём говорилось выше. И всё же в условиях продолжающейся дискуссии реальную значимость сохраняет практическая деятельность субъектов права, прямо направленная на обеспечение законности. Ведущая роль среди них, исходя из уровня полномочий, нормативного регулирования, организационных возможностей, продолжает принадлежать государственным органам власти. Представляется очевидной необходимость дальнейшего изучения проблем, связанных с интерпретацией исследуемого феномена, выработки определения законности, которое отвечало бы потребностям современной российской правовой системы.

Список литературы

1. *Вопленко Н. Н.* Понятие и основные черты законности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2006. – № 8. – С. 33–48.
2. *Герасимова Н. П.* Правовой закон – основа правовой законности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 77–82.
3. *Кожевников В. В.* Проблема гарантий законности и порядка в современной теоретико-правовой мысли: критический анализ // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 4 (31). – С. 31–43.
4. *Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. – Москва: Наука, 1993. – 379 с.
5. *Лисюткин А. Б.* К понятию законности // Правоведение. – 1993. – № 5. – С. 108–112.
6. *Ломакина И. Б.* Содержание правопорядка в его эволюционном развитии / Правопорядок и его институциональные основы : сборник трудов Международной конференции (Воронеж 31 мая – 1 июня 2019 г.). – Воронеж: Наука-Юнипресс, 2019. – С. 34–40.
7. *Ломакина И. Б., Глуздал Г.* Некоторые противоречия в теоретических подходах к пониманию законности // Вестник Российской правовой академии. – 2023. – № 1. – С. 84–94.
8. *Ломакина И. Б., Честнов И. Л.* Постклассическая методология прокурорской деятельности (глава 2) / Актуальные проблемы прокурорской деятельности: методология и методы науки : монография / коллектив авторов ; под ред. О. Н. Коршуновой. – Москва : Русайнс, 2022. – С. 43–56.
9. *Рыбаков В. А.* Революционная законность: теоретический аспект // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12 (156). – С. 58–62.
10. *Старин Б. С.* Правовая культура, законность и правосознание в условиях становления правового государства // Закон. Право. Государство. – 2018. – № 3 (19). – С. 7–11.
11. *Уваров И. А.* Правопорядок и законность как базисные философско-правовые понятия и категории // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 4 (63). – С. 40–51.
12. *Уолдрон Дж.* Верховенство права и мера собственности. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 144 с.
13. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права : монография. – Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
14. *Честнов И. Л.* Законность в социолого-правовом измерении // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2017. – № 2 (58). – С. 121–122.
15. *Шапиро С.* Законность. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. – 720 с.

References

1. *Voplenko N. N.* Ponyatiye i osnovnyye cherty zakonnosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. – 2006. – № 8. – S. 33–48.
2. *Gerasimova N. P.* Pravovoy zakon – osnova pravovoy zakonnosti // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2018. – T. 18. – № 2. – S. 77 – 82.
3. *Kozhevnikov V. V.* Problema garantiy zakonnosti i poryadka v sovremennoy teoretiko-pravovoy mysli: kriticheskiy analiz // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2008. – № 4 (31). – S. 31–43.
4. *Ksenofont.* Vospominaniya o Sokrate. – Moskva: Nauka, 1993. – 379 s.
5. *Lisyutkin A. B.* K ponyatiyu zakonnosti // Pravovedeniye. – 1993. – № 5. – S. 108–112.
6. *Lomakina I. B.* Soderzhaniye pravoporyadka v yego evolyutsionnom razvitii / Pravoporyadok i yego institutsional'nyye osnovy : sbornik trudov mezhdunarodnoy konferentsii (Voronezh 31 maya – 1 iyunya 2019 g.). – Voronezh: Nauka-Yunipress, 2019. – S. 34–40.
7. *Lomakina I. B., Gluzdak G.* Nekotoryye protivorechiya v teoreticheskikh podkhodakh k ponimaniyu zakonnosti // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii. – 2023. – № 1. – S. 84–94.
8. *Lomakina I. B., Chestnov I. L.* Postklassicheskaya metodologiya prokurorskoy deyatel'nosti (glava 2) / Aktual'nyye problemy prokurorskoy deyatel'nosti: metodologiya i metody nauki : monografiya / kollektiv avtorov ; pod red. O. N. Korshunovoy. – Moskva : Rusayns, 2022. – S. 43–56.
9. *Rybakov V. A.* Revolyutsionnaya zakonnost': teoreticheskiy aspekt // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2017. – № 12 (156). – S. 58–62.
10. *Starin B. S.* Pravovaya kul'tura, zakonnost' i pravosoznaniye v usloviyakh stanovleniya pravovogo gosudarstva // Zakon. Gosudarstvo. – 2018. – № 3 (19). – S. 7–11.
11. *Uvarov I. A.* Pravoporyadok i zakonnost' kak bazisnyye filosofsko-pravovyye ponyatiya i kategorii // Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 4 (63). – S. 40–51.
12. *Uoldron Dzh.* Verkhovenstvo prava i mera sobstvennosti. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2020. – 144 s.
13. *Chestnov I. L.* Postklassicheskaya teoriya prava : monografiya. – Sankt-Peterburg: Izdatel'skiy Dom «Alef-Press», 2012. – 650 s.
14. *Chestnov I. L.* Zakonnost' v sotsiologo-pravovom izmerenii // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. – 2017. – № 2 (58). – S. 121–122.
15. *Shapiro S.* Zakonnost'. – Moskva: Izdatel'stvo Instituta Gaydara, 2021. – 720 s.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 20.07.2023; принята к публикации 26.07.2023.

The article was submitted June 26, 2023; approved after reviewing July 20, 2023; accepted for publication July 26, 2023.